

© *И.В. Севастьянов***ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА У КРЯШЕН
В СВЕТЕ АВТОЭТНОГРАФИИ***

Статья посвящена анализу особенностей традиции гостеприимства у кряшен, самобытного этноконфессионального сообщества, характеризующегося сочетанием татароязычия и православного вероисповедания. Изыскания автора основываются как на письменных источниках, так и на оригинальных полевых материалах, касающихся преимущественно двух этнографических групп кряшенского населения Республики Татарстан, молькеевской и заказанской, каждая из которых обладает собственной этнокультурной спецификой. Этнографический материал, анализируемый в статье, относится к хронологическому отрезку от рубежа к. XIX – нач. XX вв. до настоящего дня. Ставится задача, во-первых, исследовать проявления гостеприимства в конкретной этнической среде в его функциональных разновидностях; во-вторых, проследить трансформацию этого обычая в условиях современности. Показана саморефлексия автора-исследователя по поводу проблемы взаимовлияния объекта и субъекта изучения (этнографического наблюдения) и роль субъективности в научном постижении иной этнической культуры. Отношения диалога между исследователем и информантом рассматриваются как значимый приоритетный аналитический подход. В этой связи на примере опыта полевой работы в среде кряшенского населения Республики Татарстан выявляется воздействие, которое традиция гостеприимства в ее современном бытовании оказала на полевые исследования ученых-этнологов. Важнейшим ресурсом в процессе работы, по мнению автора, оказались взаимная расположенность и доверие, во многом базирующиеся на обычае гостеприимства.

Ключевые слова: кряшены, тюркология, обычай гостеприимства, культурные трансформации, автоэтнография

Ссылка при цитировании: Севастьянов И.В. Традиции гостеприимства у кряшен в свете автоэтнографии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 304–316.

Обычай гостеприимства существует у многих народов Евразии. Несмотря на свою глубокую древность (по-видимому уходящую корнями в первобытные времена), этот обычай (институт) продолжает оставаться живым явлением, продолжающим свое бытование и в настоящее время. Универсализм его проявляется в традиционном этикете многих тюркских народов, населяющих такие историко-культурные области как

Севастьянов Иван Владимирович – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: rushd-al@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Средняя Азия, Анатолия, Урало-Поволжье. Среди тюркоязычных народов, живущих в урало-поволжском географическом ареале, особое место занимают кряшены – этноконфессиональное сообщество с татарским языком и преобладающим православным вероисповеданием. По поводу идентичности и официального статуса кряшен, которых часть исследователей считает субэтнической общностью в составе казанских (шире – поволжских) татар, а часть отдельным тюркским народом, существуют определенные разногласия, не лишенные политической ангажированности.

Между тем, в этнографии кряшенского народа содержится очень показательный и яркий материал для осмысления прежнего бытования в традиционной культуре обычая гостеприимства и его современных трансформаций. О том, что представлял собой данный обычай в относительно недавнем прошлом в среде кряшен можно узнать из ряда письменных источников, где освещены некоторые особенности повседневного жизненного уклада представителей указанного этнического сообщества. К таким источникам следует отнести собранные и опубликованные специалистами из Казани и Чебоксар «Этнографические сочинения слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов» (Исхаков, Николаев 2014). В них содержится немало сведений, хронологически относящихся к первой трети XX столетия. Кроме того, обширный фольклорный материал, касающийся интересующего нас комплекса обычаев, собран и опубликован музыковедом Н.Ю. Альмеевой (Альмеева 1990; Альмеева 2013).

В качестве источника по исследованию современного бытования традиций гостеприимства у кряшен в статье используются оригинальные авторские полевые материалы, собранные во время экспедиционных выездов в Республику Татарстан в 2001, 2005, 2006, 2016 гг. Работа велась главным образом в селениях Пестречинского и Кайбицкого районов РТ, жители которых относятся, соответственно, к примёшинской (Заказанье) и молькеевской (татаро-чувашское пограничье) этнографическим группам кряшен.

Целью наших полевых исследований было изучение особенностей этнической идентичности кряшенского населения и ее проявлений в условиях постсоветского Татарстана. При этом сама работа в поле оказалась в тесной зависимости от общей расположенности представителей местных сельских сообществ проявлять доброжелательность, открытость и оказывать радушный прием заезжим этнографам. Т. о. обычай гостеприимства, пусть даже исподволь, постоянно проявлял себя во время нашей полевой работы. Его влияние на процесс взаимодействия с респондентами не могло не сказаться и на результатах исследования.

В настоящее время специалисты по философии и методологии науки указывают на такой аспект исследовательского процесса как учет связей собственно научных целей с вненаучными (социальными, аксиологическими) ценностями и предпочтениями, что стало характерной чертой нового, *постнеклассического*, типа рациональности (Стёпин 2015: 455). Особенно это актуально для гуманитарных наук, для которых отношения диалога являются важнейшим принципом аналитического осмысления исследуемой реальности. Как отмечал еще М. Бахтин: «Точные науки – монологичная форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. [...] Но субъект не может изучаться как вещь, ибо как субъект он, не может оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогичным» (Бахтин 1980: 383). Т. о. отношения диалога становятся как никогда важны в качестве приоритетного аналитического подхода в современной науке (Стёпин 2015: 481). Социальная и культурная антропология (этнология) тут не исключение,

поскольку ее методы полевой работы строятся на живом взаимодействии с информантами, представителями тех или иных человеческих сообществ.

При этом жанр т. н. автоэтнографии или этнографии научного сообщества, как разновидности самоанализа и интеллектуальной рефлексии самих исследователей-этнологов, остается пока мало разработанным в отечественной антропологии. Из примеров можно назвать публикации С.В. Соколовского (*Соколовский* 2011), сборник статей «Антропология академической жизни: традиции и инновации» (2013). Между тем, эта саморефлексия важна для осмысления исследовательских приоритетов: выбора объектов изучения, концептуальных предпочтений, фокусировка внимания на тех или иных предметных областях знания.

Специалистами установлено, что существует два типа гостеприимства:

- 1) Гостеприимство в среде людей ближнего круга: родственников, односельчан, связанное с сезонными (календарным) праздниками и обрядами жизненного цикла.
- 2) Гостеприимство по отношению к незнакомым, случайным, посторонним людям, выходящим из иной языковой, культурной и т. п. среды, носящее во многом окказиональный характер (*Громов* 2015: 11).

Для традиционной культуры кряшен характерны оба вышеприведенных типа гостеприимства. Об этом говорят документальные свидетельства, относящиеся к 20-м годам XX в. (*Исхаков, Николаев* 2014) и собранные специалистами фольклорные материалы (*Альмеева* 1990, 2007, 2012).

Обычай приема родственников, пришедших в гости по случаю того или иного календарного праздника, представляет собой одно из наиболее ярких и самобытных проявлений традиционной культуры данного сообщества. Подобного рода гостевое общение представляло собой у кряшен всесторонне продуманный ритуал, одним из основных составляющих которого было исполнение песен особого репертуара, соответствующего главному событию: приходу родственников и их приему хозяевами. Специалистами выявлены такие структурные составляющие данного ритуала как взаимные песенные приветствия гостей и хозяев, взаимное восхваление гостями и хозяевами человеческих качеств друг друга, застольное общение через исполнение песен, прощание хозяев с гостями, происходившее опять же в песенно-поэтической форме (*Альмеева* 1990: 180). Причем в каждом селе существовал свой собственный набор гостевых песен и соответствующих им мелодий (*Альмеева* 1990: 181).

Подобный ритуал принятия гостей, включавший в себя исполнение особого рода песен, предназначенных специально для этого случая, существует у разных этнографических групп кряшен. В частности, он выявлен исследователями устного народного поэтического творчества у таких своеобразных и во многом отличающихся (в плане исторического формирования и в особенностях традиционной культуры) друг от друга локальных групп как примешинская и молькеевская (*Альмеева* 2007, 2012).

Кроме того, согласно сообщениям самих представителей кряшенского сообщества, в дни главных православных праздников было принято угощать всех «кто бы ни пришел», «был бы татарин или чувашин» – всем наливали пиво или квас (*Исхаков, Николаев* 2014: 46). При этом гость всегда, согласно этикету, должен был похвалить предложенное угощение.

Во второй половине XX в. кряшенские обычаи, составлявшие канву традиционного «гостевания» и приема гостей, стали постепенно вымываться под влиянием усилившейся модернизации быта и уходив в прошлое. В свою очередь песни, со-

проводившие такого рода застолья, стали звучать все реже. Они продолжали жить уже по большей части в памяти сельских жителей старшего поколения, переходя из живой традиции в область кряшенского фольклорного наследия.

Гостеприимство второго типа было не в меньшей степени распространено среди кряшен. Так, например, по свидетельству жительницы села Албаево Мамадышского уезда (ныне – Мамадышский район РТ), «инородец (т. е. в данном случае *кряшен*) гостеприимный, он всегда пустит ночевать незнакомого человека, кем бы он ни был. [...] инородец встречает входящего ласково, начинает его угощать» (Исхаков, Николаев 2014: 159). О том же самом сообщают в своих «этнографических сочинениях» и многие другие информанты-кряшены, например, жительница деревни Дюртели-Субаш Мамадышского уезда (Там же 179). Некоторые информанты добавляют, что небогатые кряшены охотнее пускают к себе ночевать незнакомых людей, чем богатые, которые боятся, что неожиданный гость может у них чего-нибудь украсть (Там же: 186). Ответы отдельных информантов указывают на то, что гостеприимство у кряшен могло быть связано с чувством любопытства и стремлением к общению с новыми людьми. Так, если гость и хозяин общительны, «то они даже ночью не спят, все время разговаривают, и таким образом они знакомятся» (Там же: 194). Можно предположить, что указанный обычай в данном случае мог выполнять важную в социальном плане функцию коммуникации и укрепления межличностных связей между представителями разных этнических и, соответственно, религиозных групп.

На примерах из нарративных источников можно убедиться в существовании у кряшен двух указанных типов гостеприимства. Выраженно самобытными чертами в данном случае обладает именно первый вариант традиции. Проявления обычая гостеприимства, связанные с собраниями и праздничными застольями, объединявшими людей одного родственного круга, были сильно ритуализированы. У кряшен сложился особый жанр «гостевого» песенного фольклора, представляющий собой одну из наиболее самобытных сторон их духовной культуры.

Что касается второго типа данного обычая, то он у кряшен по сути не отличается от подобного комплекса традиций у многих других народов Евразии. Об этом, например, свидетельствуют некоторые знаменитые литературные памятники, относящиеся к раннему Средневековью. Так, в одном из текстов («Речи Высокого») старшей Эдды при общем восхвалении традиции гостеприимства все же дается совет не злоупотреблять радушием и хлебосольством хозяев: «Гость не должен назойливым быть и сидеть бесконечно, даже приятель станет противен, коль долго гостит он» (Цит. по *Беовульф* 1975: 193). Сходные представления существовали и у этнически родственных кряшенам тюркских народов Центральной Азии. Так у киргизов, согласно их традиционному этикету, гостеприимство должно было соблюдаться неукоснительно по отношению ко всякому человеку, пришедшему в аил. Существовала киргизская поговорка: «Гость, заночевавший одну ночь – благодать, проведенный две ночи – беда» (Асанков, Брусина, Жапаров 2016: 380). О практически безусловном и безотказном странноприимстве, принятом у тюркских народов Средней Азии, неоднократно свидетельствует, опираясь на свой собственный опыт, известный венгерский востоковед и путешественник Арминий Вамбери (*Вамбери* 2003: 48, 98, 174). Среди тюркоязычных народов Урало-Поволжья обычай того же рода был укоренен, к примеру, среди башкир. Согласно башкирскому этикету, всякому пришедшему гостю предоставлялся ночлег и максимально щедрое угощение (*Кузеев, Данилко* 2015: 335).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о наличии существенной разницы в особенностях проявления обычая гостеприимства первого и второго типов в среде кряшен, какой мы ее знаем по письменным источникам XIX – нач. XX вв. При этом если в первом случае отчетливо проступают черты оригинальной самобытности, то во втором мы видим те же особенности, что бытуют в соционормативной культуре многих других (не только тюркских) народов Евразии.

Впервые мне посчастливилось столкнуться с живой традицией гостеприимства у кряшен в 2001 г., еще в студенческие годы, во время этнографической экспедиции, организованной кафедрой этнологии исторического факультета МГУ, и проходившей в Республике Татарстан. Основной целью нашей экспедиционной поездки, которой руководила профессор О.Е. Казьмина, было изучение этнической идентичности кряшен в связи с готовившейся Всероссийской переписью населения 2002 г., в ходе которой «кряшенский вопрос» в Республике Татарстан проявился довольно остро, сделавшись в то время, наверное, одним из главных камней преткновения в учете «национального» состава полиэтничных регионов РФ.

Между тем, меня в то время не могла не удивить та степень гостеприимства с какой нас встречали в Набережных Челнах представители кряшенской общности РТ. На шесть человек, составлявших нашу экспедиционную группу, была выделена просторная гостиница квартирному типу с большим количеством комнат и с большим холодильником, полным съестных продуктов и напитков. В селениях кряшен, куда мы выезжали, нас неизменно ожидали щедрые застолья, выступления местных кряшенских «самодеятельных» коллективов с народными песнями, различные экскурсии. «Здесь как на Кавказе» – было сказано одним из наших сотрудников кафедры этнологии. Было впечатление, что все старались проявить как можно больше радушия и расположенности к гостям из Московского университета.

Тут, однако, следует учитывать, что наша группа приехала в Татарстан во многом по приглашению активистов кряшенского движения, которые, в свою очередь, стремились заявить о себе как можно шире и привлечь внимание российского (и тем более столичного) научного сообщества к «кряшенскому вопросу» в РТ. И, видимо, нельзя сбрасывать со счетов желание оказать как можно лучший прием тем, кто представляет это сообщество. С другой стороны, в этом случае были актуализированы и перенесены в современный контекст традиции гостеприимства, исконно присущие кряшенской культуре.

Так, например, ряд наших респондентов из принимавшей стороны (жители кряшенских сел Мамадышского, Тукаевского районов РТ, Бакалинского района Республики Башкортостан) с большой охотой исполняли для нас традиционные «гостевые» напевы. «Настолько рады вас видеть, что если уже костями в могиле буду лежать, то и кости еще будут радоваться» – именно так перевел текст одного из упомянутых напевов казанский фольклорист Г.Е. Макаров, когда кто-то из нас попросил рассказать, о чем именно пели жители одного из кряшенских сел, где мы вели свои опросы. Интересно и мнение представителей кряшенского православного духовенства о морально-ценностных основах этого пласта фольклорного наследия: «Эти песни всегда пелись при знакомстве, когда кто-нибудь там знакомился, или новые родственники появлялись, на свадьбу, [...] и вот они пели, и каждый изливал свою душу другому. Это говорит о человеколюбии кряшен, что кряшены настроены позитивно, на человеколюбие, [...] о широте кряшенской души» – такими слова-

ми характеризует рассматриваемые «гостевые» напевы и их смысловое содержание о. Дмитрий (Сизов), настоятель церковного прихода села Кряш-Серда и глава Кряшенской духовной миссии (См.: Божий народ кряшены).

Несмотря на то, что традиционный общинный и родовой уклад кряшен все больше уходит в прошлое, многие стороны прежней, старой, «этнической» культуры продолжают жить в памяти представителей старшего и, отчасти, среднего поколения. Более того, при определенных обстоятельствах, данное культурное наследие может актуализироваться, проявив себя в условиях постсоветской современности и в контексте совсем иных общественных отношений (этническая мобилизация, переосмысление прежнего культурного наследия).

Следует подробнее остановиться и на роли в современном укладе жизни кряшен гостеприимства второго, в большей степени окказионального, типа. Опираясь я буду на собственные полевые наблюдения, почерпнутые во время работы в кряшенских селениях Пестречинского, Кайбицкого, Елабужского районов РТ в 2005, 2006 и 2016 гг. В данном случае мне приходилось бывать в этих селениях по большей части непрошеным гостем и рассчитывать на расположенность местных жителей к гостеприимству по отношению к чужаку. Связано это было во многом с тем, что не во всех случаях удавалось заручиться поддержкой официальных лиц, которые могли, например, попросту в нужный момент отсутствовать на своем месте. Кто-то, например, вообще избегал принимать какое-либо участие под тем или иным предлогом или вообще без него.

Между тем, находились местные жители, которые соглашались на то, чтобы я остановился у них, или сами «сходу» приглашали меня переночевать у них дома, причем даже по несколько суток подряд. Так, например, было в селах Молькеево, Старое Тябердино, Хозесаново Кайбицкого района, входящих в ареал расселения т. н. «молькеевских кряшен». Сходным образом обстоятельства складывались в селах Кряш-Серда, Янцеваы, относящихся уже к Пестречинскому району, где проживают кряшены примёшинской подгруппы. Можно сказать, что именно гостеприимство местных жителей не раз выручало меня в моей полевой работе к кряшенским селениях Республики Татарстан. Доверие по отношению к вроде бы посторонним и совсем незнакомым и открытость к общению с ними по-прежнему оставались значимой частью соционормативной культуры местных сельских сообществ, состоящих преимущественно из людей кряшенского происхождения.

Еще в большей степени склонность к гостеприимству раскрывается, если знакомство уже успело состояться и у вас завязались дружеские отношения с кем-либо из жителей кряшенских селений. Мне, в свою очередь, посчастливилось из случайного гостя превратиться в ожидаемого во время повторных визитов в знакомые населенные пункты Пестречинского или, например, Елабужского района РТ в 2016 году. До этого были полевые выезды в кряшенские селения соответственно в 2006 г. (Пестречинский р-н) и в 2010 г. (Елабужский р-н). Так, я хорошо помню, как о. Дмитрий (Сизов), настоятель церковного прихода села Кряш-Серда, выйдя меня встречать у калитки своего дома, сразу же позвал за стол, спросив: «Будете жаркое с черносливом? Вот приготовил как раз». (Жаркое с черносливом – популярное блюдо в кряшенской и в татарской кухне). Тут можно упомянуть и о том, что в свое время у о. Дмитрия гостил (при этом, говорят, по несколько дней) изучавший культуру кряшен этнолог из Японии Акира Сакурама, также приезжавший в Кряш-Серду в 10-х годах

текущего столетия. «Да он, считай, как прописался там, у отца Дмитрия» – рассказывали мне некоторые из местных жителей (ПМА 1).

Во многом сходная картина была во время полевого выезда в Елабужский район в том же 2016 г., где самый гостеприимный прием и дружескую поддержку в исследовательской работе мне оказывал Николай Мельников, житель деревни Черкасово, один из активных участников общественного движения кряшен Татарстана, ныне глава сельсовета села Большой Шурняк (Елабужский р-н РТ). По его личному приглашению я останавливался в деревне Черкасово на несколько суток, живя в обустроенном «флигеле», относящемся к приусадебным постройкам, принадлежащим семье Мельниковых. Кроме того, благодаря помощи со стороны Николая быстро налаживались дружеские контакты и, соответственно, хорошо складывалась полевая работа в кряшенских селениях Менделеевского района РТ, близлежащих территорий Граховского района Республики Удмуртия. Можно сказать, что здесь меня неизменно ожидал самый живой отклик и участие в ответ на проявление заинтересованности в изучении тех или иных сторон народной, «этнографической», культуры современных кряшен.

В свое время знаменитый отечественный тюрколог В.В. Радлов в своем известном труде «Из Сибири: страницы дневника» заметил, что «ни у одного тюркского народа не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев» (Радлов 1989: 172). Признаюсь, что мне самому хочется, прочитав у В.В. Радлова его впечатления об алтайцах середины XIX в., сказать то же самое о кряшенах начала XXI в., исходя уже из личных впечатлений (проводить сравнения с другими тюркскими народами мне трудно из-за недостатка опыта).

Т. о. мне лично во время работы по сбору полевого этнографического материала посчастливилось убедиться в живучести кряшенской традиции гостеприимства, воздействие которой опосредованно сказывалось и на моих исследованиях в области современной этнографии кряшен. Живое бытование данной традиции во многом сделало возможным проведение этих исследований с их результатами (в форме отчетов, статей, диссертации и т. п.) в том виде, к какому они есть.

К тому же, стоит прибавить, что опыт отечественных этнологов-исследователей тут не является единственным, если брать современное поле собственно кряшенской этнографии. Так, японский исследователь Акира Сакурама, исследовавший культуру кряшен и особенности ее трансформации в XX в. оставался жить в Татарстане на довольно длительное время (с 2010 по 2013 гг. с отъездами назад в Японию и возвращениями в РФ на срок до года), ведя полевую работу как в Казани, так и в сельской местности, в районах компактного проживания кряшенского населения. В этом случае ученому из Японии не раз приходилось на личном опыте убеждаться в живучести обычая гостеприимства у современных кряшен, в данном случае деревенских жителей. Как рассказывал мне житель села Старое Гришкино (Менделеевский район РТ) пожилых лет: «Вот Акира Сакурама у меня здесь дома останавливался, жил тут». И, как пояснялось, гостя из Японии принимали здесь не одни сутки к ряду (ПМА 2).

Т. о. мы можем видеть, что в орбиту кряшенского обычая гостеприимства оказываются втянуты не только отечественные, но и иностранные исследователи-этнологи. А это, как можно предположить, в свою очередь также оказывает влияние на их взаимодействие с респондентами-информантами, восприятие и осмысление ими своего полевого материала; а, следовательно, этот фактор должен оказывать влияние и на результаты самих научных исследований. Вопрос о причинах притягательности

того или иного поля для самого исследователя как человека с личными пристрастиями и интересами, который затрагивался во вводной части статьи, требует более подробного рассмотрения.

Что характерно, пример обратного взаимодействия (влияние деятельности исследователей на этническую самоидентификацию респондентов) приводил в своем рассказе о современных каратаях (т. н. «мордва-каратаи» – небольшая татароязычная этногруппа, имеющая, по-видимому, мордовские корни) казанский фольклорист Г.М. Макаров, во время нашей личной беседы еще в 2005 году. Так, по его словам, после того как каратаями заинтересовались исследователи-этнографы из Саранска (Республика Мордовия), они «стали в большей степени к мордве себя причислять» (из личных записей автора за 2005 г.). Тут можно добавить, что речь идет о совсем небольшом локальном сообществе (жителях села Мордовские Каратаи, от названия которого и произошло название данной группы), где существует довольно тесное взаимодействие между людьми и, следовательно, оно в подобного рода изменения там могут происходить за короткий срок. Кряшены – относительно куда более многочисленное сообщество, но и в их случае нельзя полностью игнорировать фактор влияния на них постороннего исследовательского интереса.

Во время полевой работы в г. Елабуга и в отдельных селениях Елабужского района в 2016 мне приходилось слышать от местных кряшен признания существенной помощи со стороны представителей московского академического сообщества, поддерживавших позиции кряшенских общественных организаций в вопросе об этническом самоопределении «несправедливо забытого народа» во время Всероссийской переписи населения 2002 года. В частности, говорили о том, что известный этнолог П.И. Пучков в то время оказал заметную поддержку движению кряшен за отстаивание своей самобытности, поскольку благодаря ему об их проблемах стало известно в академических кругах Москвы и на них, таким образом, «стали больше внимания обращать» (ПМА 3).

В заключении следует затронуть такую немаловажную в настоящем контексте проблему как влияние личности самого этнолога на характер и особенности осмысления и изучения им объекта и предмета его исследования. Затронута эта проблема будет здесь в самых общих чертах, лишь чтобы наметить некоторые ее контуры на основе конкретных материалов из собственных полевых наблюдений и «этнографической» саморефлексии.

Можно сказать, что выбор мною такой темы как этнокультурная идентичность кряшен (в том числе их религиозные представления и традиции, конфессиональное самосознание и т. п.) был обусловлен научными интересами, которые группировались, в основном, вокруг истории тюрко-монгольских народов Евразии. Это еще в школьные годы привело меня к увлечению книгами Л.Н. Гумилева, посвященными означенной тематике, из которых я узнал о существовании в Средние века тюркских племен, принявших христианство несторианского толка. Кроме того, сам регион Урало-Поволжья, представляющий собой во многих аспектах, как в географическом, так и в историко-культурном, переходный ареал между Европой и Азией, Россией и Востоком, может считаться типично «евразийским» по своей сути.

О кряшенах как таковых я впервые узнал во время учебы на кафедре этнологии истфака МГУ, с чем был связан и мой первый опыт полевой этнографической работы, о котором уже упоминалось выше. Несмотря на то, что никакой прямой

преемственности между средневековыми тюрками-христианами и позднейшими кряшенами пока выявить не удастся, все же сочетание тюркоязычия (татарского языка) с православием в данной этнической культуре порождало своего рода узнавание («Россия-Евразия», взаимопроникновение русско-православного и «степного» мира) одновременно с вопросами об историческом формировании столь необычной картины. Не меньший интерес представлял комплекс «языческих», дохристианских, верований кряшен, в которых прослеживается немало древнетюркских черт, о которых я узнал несколько позже из миссионерской литературы XIX в., а также благодаря общению с жителями кряшенских селений Татарстана во время собственной полевой работы в регионе. Этот момент (преемственность в религиозных представлениях «старокрещеных татар» с древними тюрками) заставил меня проявлять еще более пристальное внимание к этой сфере культурного наследия кряшен.

Говоря о духовной культуре интересующего нас этнического сообщества, надо отдельно сказать о той роли, которую сыграла православная традиция в сближении автора с исследуемым им сообществом. Причиной этого является то, что православная христианская традиция и соответствующая ей человеческая среда во многих своих сторонах была близка мне самому. Встречавшиеся в отдельных кряшенских селениях храмы, часовни, иконы в домах, воспринимались мной как привычные и понятные вещи, связанные с православной религиозной культурой. Видеть в домах такого рода предметы как иконы и кресты, заходить (в определенных случаях) в храмы казалось чем-то привычным и почти само собой разумеющимся. Кроме того, местные жители нередко были склонны проявлять большее доверие к людям, принадлежащим, по их мнению, к православному вероисповеданию. Так, в селе Большое Тябердино местные жители не раз даже спрашивали меня: «А ты сам нашей, христианской, веры? Не обманываешь нас»? В подтверждение собственных словесных заверений я даже показывал им тут же свой нательный крестик (ПМА 4).

В свою очередь даже оказываясь в более официальной обстановке, например, в кабинетах представителей районной администрации села Пестрецы (административный центр Пестречинского района РТ), я начинал ощущать себя словно втянутым в местную среду. Так, один из упомянутых районных чиновников в самом начале нашего разговора насчет посещения с целью этнографических исследований ближайших кряшенских населенных пунктов спросил меня: «А вы сами крещеный татарин»? В ответ я пояснил, что «сам вообще-то русский», просто такая сфера научных интересов (ПМА 5). Трудно сказать со всей определенностью в чем заключалась причина такого восприятия человека заезжего и неместного для этих краев, отмечу лишь то, что я сталкивался с этим неоднократно во время полевых выездов в Татарстан в разные годы (в 2001, 2005, 2006, если считать то, что четче сохранилось в памяти на настоящий момент).

Еще во время учебы в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН мне приходилось слышать от старших коллег утверждения о том, что исследовательское поле (в данном случае Татарстан, и соответственно, кряшенское этноконфессиональное сообщество) представляют собой «особый, свой мир», не похожий на тот, который привычен «для нас, здесь». Впоследствии, по мере все более тесного знакомства с полем, которым стал для меня указанный регион, мне часто приходилось задумываться над вышеупомянутыми словами об «инаковости» «мира кряшен» и о том насколько этот мир отличается от привычного для меня самого.

Теперь по прошествии лет опыта полевых исследований в среде кряшен Татарстана и сопредельных регионов (с 2001 по 2016 год всего 5 полевых выездов в Республику) можно попытаться подвести определенные итоги личного взаимодействия с данной этнокультурной средой. Выше говорилось о значении православия в традиционном жизненном укладе кряшен и том влиянии, которое в моем случае оно оказывало на общение с респондентами-кряшенами. Наряду с этим нас сближала память о Великой отечественной войне, присущая в той же степени и проявляющаяся в тех же формах в среде представителей кряшенского народа, как и у представителей русского народа и вообще многих россиян. Из совсем недавних примеров можно привести акцию «Бессмертный полк: кряшены», организованную республиканской кряшенской газетой «Туганайлар» (Бессмертный полк 2017). Кроме того, мне приходилось слышать весьма критические суждения насчет суверенитета Республики Татарстан от некоторых кряшен пожилых лет (ПМА 5а). О прорусском настрое своей паствы говорил в беседе с нами, участниками этнографической экспедиции от кафедры этнологии истфака МГУ, и о. Иоанн, служивший в приходе церкви кряшенского села Большие Аты, жители которого известны своей религиозностью (ПМА 6: Прот. Иоанн). Т. о. можно сказать, что в особенностях мировосприятия представителей иноэтнического сообщества (в данном случае – кряшен) мне встречалось многое, что было знакомо и во многом казалось близким, если сравнивать с собственной, издавна знакомой, социальной средой. Все вышеперечисленное перемешивалось и сочеталось с такими «экзотизмами» (для моего стороннего восприятия) кряшенской культуры как традиционный музыкальный фольклор, специфические местные верования, обычаи (среди которых и обычай гостеприимства) и обряды. Взаимодействие «экзотического» и привычного, узнаваемого, стало наиболее существенной и важной характеристикой этой культурной среды в моем восприятии как этнолога-исследователя и стороннего наблюдателя.

Характер этого восприятия напомнил мне рассуждения К. Леви-Стросса в его известной статье «Руссо – отец антропологии», посвященные роли эмпатии в этнологической науке. Леви-Стросс указывает на то, что именно Ж.Ж. Руссо является автором изречения «Я есть другой», которое, согласно Леви-Строссу, сближает его с позицией современных антропологов, стоящих на той же точке зрения и стремящимися «показать, что другие люди – это люди, подобные им самим, или, иными словами, «другой» есть «я» (Леви-Стросс 1994: 22). При этом, следует отметить, что здесь речь не идет о стремлении уподобить «другого» себе, попытке навязать ему какие-либо свои свойства, представления и т. п., а скорее наоборот – о желании увидеть в этом «другом» что-то тождественное себе самому, сближающее обоих. Так, в данном случае речь не идет о какой-то умозрительной «русификации» кряшен со стороны меня как исследователя, скорее здесь следует говорить об открытии в их культурном комплексе таких черт, которые оказываются близкими и узнаваемыми. В определенной степени, если уподобить кряшенскую культуру тексту, этот момент я мог бы сравнить с чтением известной работы Н. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», с которой мне в свое время посчастливилось ознакомиться (См. Трубецкой 2010). Известно, что в этнографии кряшен можно выделить тюркские, угро-финские, восточнославянские элементы. Отчасти аналогичным образом, только в иной предметно-смысловой плоскости, в указанной работе Н. Трубецкого на тематическом уровне представлено сочетание восточнославянского элемента с «туранским» («туранскими» по устаревшей терминологии обозначаются тюрко-монгольские и угро-финские народы). Именно это

сочетание вызывало чувство узнаваемости и общего приятия, уместности и гармоничного сочетания составляющих этой мозаики (возможно, что причина тому исторический путь самой России, издавна развивавшейся под цивилизационным влиянием как Запада, так и Востока). Аналогичным образом я мог бы охарактеризовать и свое впечатление от традиционной культуры кряшен в целом.

В этой точке, по сути, сходятся сама наука-этнология (антропология), исследователь (как носитель научных традиций и парадигм) и изучаемое этническое сообщество людей («объект исследования»). Связать их способен именно тот вышеозначенный «истинный принцип человеческого познания», на который указывает Леви-Стросс. Если связь между исследователем, как субъектом, и сферой науки, как особым интеллектуальным континуумом, осуществляется через тексты, порождаемые этой сферой нематериального производства мысли, то во взаимосвязях исследователя и изучаемого людского сообщества преобладает фактор эмоциональной связи. Именно последним определяется общий ход, успешность или не успешность полевой работы этнографа в той или иной местной среде.

В этой связи можно говорить о своего рода симбиозе субъекта и объекта исследований, выражающемся в их взаимовлиянии через человеческое общение, возникающее благодаря взаимной доверительности и расположенности к коммуникации прежде всего на личном уровне. В данном случае мы видим такое конструирование реальности, в котором в той или иной степени участвуют все задействованные лица: и этнологи-исследователи, и люди, с которыми они общаются, от которых получают информацию. Важнейшим ресурсом в этом процессе оказываются взаимная расположенность и *доверие*. Хранителем этого ресурса остается живая *традиция*, носителем которой являются локальные кряшенские сообщества, важной составляющей этой традиции по-прежнему предстает обычай гостеприимства.

Источники и материалы

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Менделеевский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Елабужский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кайбицкий р-н Республики Татарстан. Август 2006 г. (анонимный опрос).
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2005 г. (анонимный опрос).
- ПМА 5а – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2005 г. (анонимный опрос).
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Нижнекамский р-н Республики Татарстан. Июль 2001 г. (информант – протоирей Иоанн (Чурашов) 1925 г.р.).
- Альмеева* 2007 – Песни татар-кряшен. Выпуск 1. Пестречинская (примёшинская) группа; составитель Н.Ю. Альмеева. СПб.; Казань: РИИИ, 2007.
- Альмеева* 2012 – Песни татар-кряшен. Выпуск 2. Молькеевская группа; составитель Н.Ю. Альмеева. СПб.; Казань: РИИИ, 2012.
- Беовульф* 1975 – Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975.
- Божий народ кряшены – Божий народ кряшены // Православный телеканал «Союз». <http://tv-souz.ru/peredachi/bozhiy-narod-kryasheny-chast-1>.

Вамбери 2003 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003.
Бессмертный полк – Бессмертный полк. Кряшены // «Туганайлар». 17.04.2017. <http://tuganaylar.ru/news/bessmertnyy-polk/bessmertnyiy-polk-kryashenyi>.

Научная литература

Альмеева Н.Ю. Традиция гостевого общения у татар-кряшен // Зрелищно-игровые формы народной культуры: сборник научных статей. Л.: ЛГИТМИК, 1990. С. 180–191.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Кузеев Р.Г., Данилко Е.С. (отв. ред.) Башкиры. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2015.

Громов Д.В. Гостеприимство как антропологическая категория // Грамматика гостеприимства; Составитель М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2015.

Исхаков Р.Р., Николаев Г.А. (сост.). Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921 – 1922 гг.): сборник материалов и документов; составители авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань; Чебоксары: б. и., 2014.

Асанков А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. (отв. ред.). Кыргызы. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2016.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление (сборник трудов). М.: Республика, 1994.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1980.

Соколовский С.В. Из детства – с приветом. Автоэтнографические этюды // Антропология социальных перемен: сборник статей. М.: РССПЭН, 2011.

Стёпин В.С. Философия и методология науки: избранное. М.: Академический проект, 2015.

Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.

Sevastianov, I.V.*

Kryashen Traditions of Hospitality through the Experience of Autoethnography.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/-304-316

The article is devoted to the analysis of the tradition of hospitality among the Kryashens, an authentic ethno-confessional community, characterized by a combination of the Tatar-speaking and Orthodox faith. The research is based on both written sources and original field materials concerning mainly two ethnographic groups of the Kryashen population of the Republic of Tatarstan – Molkeevskaya and Zakazan, each of them having its own ethnocultural specificity. The ethnographic material analyzed in the article refers to the period from the turn of the XIX – early XX centuries to the present day. The task is, firstly, to study the manifestations of hospitality in a specific ethnic environment in its functional varieties; secondly, to trace the transformation of this custom in modern conditions. The self-reflection of the author-researcher on the problem of the mutual influence of the object and the subject of study (ethnographic observation), the role of subjectivity in the scientific comprehension of another ethnic culture is shown. Understanding the relationship of the dialogue between the researcher and the informant is considered as a significant analytical approach. In this regard, the experience of fieldwork among the Kryashen population of the Republic of Tatarstan reveals the impact that the tradition of hospitality in its contemporary form had on the field research of ethnologists. Mutual disposition and trust, largely based on the custom of hospitality, turned out to be the most important resource in the process of an ethnological study.

Key words: *Kryashens, turkology, hospitality, cultural transformations, autoethnography*

For Citation: Sevastianov, I.V. 2021. Kryashen Traditions of Hospitality through the Experience of Autoethnography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 304–316.

* **Sevastianov, Ivan V.** – PhD, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: rushd-al@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Almeeva, N.Iu. 1990. Traditsiia gostevogo obshcheniia u tatar-kriashen [The tradition of guest communication among the Kryashen Tatars]. In: *Zrelishchno-igrovye formy narodnoi kul'tury: sbornik nauchnykh statei* [Spectacular and playful forms of folk culture: collection of scientific articles], 180–191. Leningrad: LGITMIK.
- Asankov, A.A., O.I. Brusina, and A.Z. Zhaparov (eds.). 2016. *Kyrgyzy*. [Kyrgyz] Moscow: Nauka.
- Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- Gromov, D.V. 2015. Gostepriimstvo kak antropologicheskaiia kategoriia [Hospitality as an anthropological category]. In: *Grammatika gostepriimstva*. Sostavitel (ed.) M.N. Guboglo [Grammar of hospitality; Compiled by M.N. Guboglo]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Iskhakov, R.R., G.A. Nikolaev. 2014. *Tatary-kriasheny v zerkale fol'klora i etnograficheskikh sochinenii slushatelei Kazanskikh kriashenskikh pedagogicheskikh kursov (pedagogicheskogo tekhnikuma) (1921–1922 gg.): sbornik materialov i dokumentov; sostaviteli avt. predisl. i primech* [Tatars-Kryashens in the mirror of folklore and ethnographic compositions of students of Kazan Kryashen pedagogical courses (pedagogical college) (1921–1922): collection of materials and documents; compilers], edited R.R. Iskhakov, G.A. Nikolaev. Kazan; Cheboksary.
- Kuzeev, R.G., and E.S. Danilko (eds.) 2015. *Bashkiry*. [Bashkirs] Moscow: Nauka.
- Levi-Stross, K. 1994. *Pervobytnoe myshlenie* (sbornik trudov) [Primitive thinking (collection of works)]. Moscow: Respublika.
- Radlov, V.V. 1980. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. Moscow: Nauka.
- Sokolovskii, S.V. 2011. Iz detstva – s privetom. Avtoetnograficheskie etudy [From childhood – with greetings. Autoethnographic etudes]. In: *Antropologiya sotsial'nykh peremen: sbornik statei* [Anthropology of Social Change: Collection of Articles]. Moscow: ROSSPEN.
- Stepin, V.S. 2015. *Filosofiia i metodologiia nauki: izbrannoe* [Philosophy and methodology of science: selected]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Trubetskoi, N.S. 2010. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: ROSSPEN.